

ДЕТИ ~~ВОЙНЫ~~

*Посвящается
80-летию освобождения Беларуси
от немецко-фашистских захватчиков*

Григорий СОЛОНЕЦ

СНАЙПЕР МАША

Повести

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2024

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бей=Рус)-44
С60

Серия основана в 2010 году

Солонец, Г. В.

С60 Снайпер Маша : повести / Григорий Солонец. — Минск : Четыре четверти, 2024. — 256 с. — (Дети войны).

ISBN 978-985-581-699-8.

О чем расскажет книга известного белорусского писателя, журналиста Григория Солонца? Она — об удивительной судьбе Марии Ивушкиной, уничтожившей семьдесят пять гитлеровцев, но пощадившей немецкого офицера. Жизнь неожиданно сведет их уже в Минске спустя полвека...

Она и о тех, кто помогал людям выжить с молитвой и верой. Мужество священнослужителей вдохновляло белорусов на борьбу с врагом на дзержинской земле и укрепляло дух сопротивления в партизанских отрядах и на фронте.

Затронет сердца читателей история шестнадцатилетней девушки Веры из Смолевичей, вывезенной на принудительные работы в Германию. Человеческие качества помогли ей выжить на чужбине и, вернувшись после войны домой, встретить свою любовь.

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бей=Рус)-44

ISBN 978-985-581-699-8

© Солонец Г. В., 2024
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2024

СНАЙПЕР МАША

Звонок из немецкого посольства

Начало августа 1999 года выдалось жарким. Уже с утра термометр за окном показывал почти двадцать плюс. Мария Ивановна, плохо переносившая духоту, открыла обе форточки, чтобы сквозным проветриванием добавить свежести в ее небольшую однокомнатную, скромно обставленную квартиру. Это жилье ей, как участнику Великой Отечественной войны, бесплатно в пожизненное пользование выделил горисполком. Ключи лично мэр вручил, может, ради этого и приезжал на открытие новой девятиэтажной панельки в Малиновке.

Оно, конечно, хорошо жить отдельно, со всеми удобствами, но в молодости. А когда уже семьдесят пять, то ощущаешь себя в четырех стенах не совсем уютно, будто в одиночной камере: не с кем и словом перемолвиться. А случись не дай Бог что-нибудь со здоровьем, инсульт там или инфаркт, то и скорую некому вызвать.

Нет, у нее есть дети. Две дочери живут в Минске, замужем, обеспечены жильем, сын с семьей в Москве. Пять замечательных внуков, считай, уже выросли, недавно вот правнук родился. Так что есть кому о ней в старости позаботиться. Только хотела бы Мария Ивановна их всех видеть и слышать каждый день, а не по праздникам, вроде сегодняшнего ее юбилея.

Семьдесят пять — солидная цифра, что там ни говори: можно уже и помирать. Но, как говорит ее ровесница-соседка, пока ноги уже не бегают, но еще носят, сердечко, хоть и изношенное,

стучит, а голова кое-что помнит и еще немного соображает, то надо жить в свое удовольствие и устраивать себе любимой маленькие радости вроде спонтанной покупки красивой вещи, похода в кафе, театр или на открывшуюся выставку.

Но сегодня она отправится в парикмахерскую, чтобы сделать новую прическу, это и будет маленький подарок себе. Одевшись, уже было открыла дверь, как зазвонил телефон.

«Наверное, младшая, Зоя», — подумала о дочери, которая вчера вечером советовалась с ней, что лучше подарить на день рождения. Мария Ивановна сказала, что цветов будет достаточно, все нужное у нее есть.

Подняв трубку, услышала вежливый незнакомый мужской голос, с заметным акцентом уточнивший ее фамилию, имя, отчество. Затем невидимый собеседник, почти не сомневаясь, спросил:

— Вы же воевали на фронте?

— Да. Была снайпером.

После небольшой паузы, вызванной, наверное, тем, что на другом конце провода сверяли данные, Мария Ивановна услышала:

— Фрау Ивушкина, битте-пожалуйста, вспомните, это важно, в каком городе вы закончили воевать?

— В Праге, 12 мая, — ответила сразу, потому что такое не забывается.

Трубка снова замолчала на несколько секунд. Потом в ней раздался тот же мужской голос с акцентом, но чуть более эмоциональный:

— Дела в том, что ви, навернае, и ест тот чэлавек, котораго давно разыскивает господин Мюллер...

— Какой еще Мюллер?! — всполошилась Мария Ивановна, вспомнив известного персонажа из многосерийного фильма о Штирлице.

— Герхардт, из Кельна. Он тоже воевал, только против вас. Ви ему спасли жизнь. Он очэнь хочэт вас увидетъ и поблагодарить...

Тот неожиданный звонок из немецкого посольства не на шутку взволновал ее, спутав все планы. Идти в парикмахерскую перехотелось, туда при желании можно и завтра попасть, а новая прическа в ее возрасте атрибут отнюдь не обязательный, тем более что будут только свои: председатель городского Совета ветеранов уже поздравил по телефону.

Мария Ивановна в раздумье прошлась по квартире, пытаясь понять, что за немец ее ищет, ведь ни с кем из них она не была знакома и в Германии никогда не была. Неспроста ведь был задан вопрос: где закончила воевать? И она, в который уже раз, мысленно вернулась в Прагу, чтобы заново пережить свой действительно последний день войны, отмеченный в календаре 12 мая 1945 года.

...Как же не хотелось воевать после 9 мая, официально ставшего Днем Победы! Берлин пал, и над куполом поверженного рейхстага уже больше недели развевались наши красные знамена, а в чехословацкой столице, особенно на ее окраинах, остатки немецких частей продолжали отчаянное сопротивление. И оно становилось еще ожесточеннее, когда гитлеровцы открывали артиллерийский огонь, причем достаточно прицельный. Стало понятно, что такая меткость стрельбы обеспечивается корректировщиком, скорее всего, прячущимся на крышах домов. Небольшой группе полковых разведчиков, бегло прочесавших подозрительный район, увы, обнаружить его не удалось. Тогда на свободную охоту попросилась командир отделения снайперов сержант Ивушкина. Получив от комбата добро, со своей неразлучной СВТ-40 среди ночи забралась на чердак полуразрушенной высотки, стоявшей на небольшой возвышенности, но чуть в сторонке, как бы в тени жилого массива. Будь она вражеским корректировщиком, то, скорее всего, именно здесь устроила бы наблюдательный пункт: панорама открывалась хоть и неполная, но достаточно обширная. Мария стала терпеливо ждать рассвета. Что-то необъяснимое, может, сама госпожа Интуиция подсказывала, что ее сегодня непременно посетит удача.

Солнце уже поднималось над городом, когда через узкое окошко чердака метрах в пятидесяти слева от себя она увидела чуть сгорбленную крадущуюся фигуру человека в плаще цвета хаки. От нахлынувшего волнения сердце учащенно забилося, как попавшая в сеть куропатка. «Наводчик!» — молнией сверкнула догадка.

«Успокойся, — мысленно приказала себе. — Он как на ладони, к тому же не видит тебя. Сосредоточься и медленно, не спеша, прицелься. Промахнешься, второго шанса не будет — уйдет».

С первых боевых заданий снайпер Ивушкина привыкла молча разговаривать с собой. Такая, может быть, для кого-то странная манера поведения в боевой обстановке ее действительно успокаивала, помогала сосредоточиться, внутренне собраться.

Мария даже без оптики разглядела красивое, почти юношеское лицо. Цепкая на детали память подсказала, что она его где-то уже видела. Тут же осенила удивившая догадка: немец был похож на ее младшего брата Сашку! Как же оно так в природе устроено, что среди миллионов людей встречаются их копии?

Отгнав ненужные мысли, Маша прильнула к прицелу, затаив дыхание: не промахнуться бы.

Словно почувствовав, что за ним наблюдают, гитлеровец, а это был, скорее всего, младший офицер, резко присел, хищным орлиным взглядом внимательно осмотрелся вокруг.

Через пару секунд он увидел в окошке чердака девичье лицо и направленный на него ствол винтовки и как резаный закричал:

— Нихт шиссен! (*Не стреляй!*) — немец мгновенно поднял руки. Полы легкого плаща разошлись, приоткрыв на пояском ремне малогабаритную УКВ-радиостанцию. Развеялись последние сомнения: это был артиллерийский корректировщик.

— Гитлер капут, нихт шиссен! Ich will nicht sterben! (*Я не хочу умирать!*)

Она еще больше удивилась: даже голос низкий, бархатный, почти как у брата. Теперь Мария лучше рассмотрела вражеского лазутчика, его застывшие в страхе большие глаза, нос горбинкой,

квадратный, чуть угловатый подбородок. Конечно, сходство с Сашкой не стопроцентное, но оно есть. Наверное, это и сыграло с ней злую шутку.

Марию будто заколдовал Всевышний, в одночасье лишив воли, решительности. На нее обезоруживающе подействовал умоляющий о спасении молодой человек с поднятыми руками, совсем не похожий на отъявленного фашиста. И ожесточенная войной женская душа в последний миг дрогнула, смягчилась, отменив казавшийся уже неизбежным смертный приговор.

Немец уловил ее замешательство и, еще не веря в чудесное спасение, как заклинание, повторяя свое неизменное «нихт шиссен!», попытался к спасительному дымоходу, из-за которого и появился.

Когда он совсем исчез из поля зрения, Маша облегченно вздохнула, ощутив некоторую расслабленность напряженных до предела мышц, отложила в сторону взведенную снайперку. Ей понадобилось еще несколько минут, чтобы прийти в себя.

Мысль о том, как она доложит о невыполненном задании, вызвала беспокойство. Дотошный и строгий майор Васильков, ее комбат, почти всегда независимо от результатов выхода требовал от снайперов личного доклада по всей форме. Наверняка и в этот раз спросит о подробностях охоты за немецким корректировщиком огня, который был у нее уже на прицеле, но, к своему немалому удивлению, она не решилась его ликвидировать.

Спустя час сержант Ивушкина уже находилась в расположении батальона. Василькова, к счастью, на месте не оказалось, убыл в штаб полка, а другим офицерам было не до нее: вернулась и хорошо.

Ночью, не дожидаясь полного окружения, большая часть немцев капитулировала, а самые отчаянные попытались вырваться из Праги, но сосредоточенным огнем нашей артиллерии были уничтожены, спастись удалось немногим.

Утром 13 мая на общем построении неожиданно объявили о том, что война теперь закончилась уже для всех. Гортанное

многоголосое солдатское «ура» раскатисто-мощным эхом донеслось, кажется, до самых небес и было подобно майскому грому, разразившемуся в ясный день. У Марии мурашки побежали по коже, захотелось неистово кричать, обниматься со всеми, от души веселиться и плакать одновременно.

Всему на свете есть предел: запасу человеческих сил, счастьем, горю и войне тоже.

— Сержант Ивушкина, к замполиту полка! — докатилась до нее переданная из уст в уста через строй команда.

В нехорошем предчувствии екнуло сердечко. Неужели ее тайна раскрыта? И что теперь будет?

— Знакомьтесь: фотокорреспондент «Красной звезды» Александр Капустянский, — замполит представил капитана интендантской службы лет сорока. И, переведя взгляд, сказал: — А это наша Ивушка, точнее, сержант Ивушкина, лучший снайпер полка. Больше семидесяти фрицев на тот свет отправила. Награждена орденом Славы III степени и медалью «За отвагу». Ее фото, без сомнений, украсит первую полосу газеты.

Теперь до Марии дошло, зачем вызвал замполит. Предложила ее вместе с девчонками сфотографировать, воевали-то вместе, но корреспондент ответил, что ему нужен портрет человека, а не групповой снимок.

Так впервые в жизни она попала в газету, которую бережно хранит до сих пор как самую дорогую реликвию.

Вечером за накрытым столом собралась вся родня: дочери с мужьями и детьми, из Москвы на несколько дней, правда, один, без семьи, приехал сынок Ваня, их с мужем первенец. Как же они радовались, когда он появился на свет в послевоенном 1946 году! Сын будто окрылил, придал столько энергии и сил, что хотелось петь, любить, просто жить и радоваться всему вокруг — солнцу, журчащему ручейку, пению птиц, несмотря на лежавшие в руинах города, разрушенные заводы, фабрики, дороги, острую нехватку

продуктов, одежды и прочего самого необходимого. Пройдя через смерть и ад, Мария с мужем твердо верили, что все трудности победившая в страшной войне страна обязательно преодолеет и жизнь со временем наладится.

Так оно и случилось. Разительные перемены произошли за полвека, сегодняшнюю жизнь не сравнить с той, что была в их с мужем молодости. А для матери и впрямь нет большего счастья, чем видеть в хорошем здравии, благополучии своих выросших, состоявшихся в профессии деток, ощущать их бескорыстную любовь и постоянную заботу.

В конце вечера Мария Ивановна вспомнила о так взволновавшем звонке из немецкого посольства и рассказала о нем. После наступившей паузы ее засыпали вопросами, которые сводились к одному, главному: помнит ли она того немца и почему пощадила его.

Удивительная все-таки штука память: что вчера происходило не всегда вспомнишь, а вот что было более пятидесяти лет назад, в последний день войны, с подробностями можно рассказать.

— Интересно, как спустя десятилетия он тебя разыскал? — в задумчивости произнес сын.

— Когда увидимся, то сразу об этом спрошу.

Мария Ивановна уже почти не сомневалась, что они с Герхардтом из Кельна встретятся вновь, спустя полвека, раз уж нашлись наперекор судьбе, обстоятельствам и времени.

Свела же их с мужем война там, под Прагой, в победном со-рок пятом...

Кольчак и его школа

Когда немцы осенью сорок первого с боями подошли к Москве, семнадцатилетняя Маша Ивушкина со школьной подругой и тоже Машей, только Козловой, обивала пороги военкомата. С единственной просьбой: поскорее отправить на фронт.

Но вместо оружия им после очередного прихода выдали лопаты и включили в так называемую трудовую армию — рыть окопы, траншеи, возводить оборонительные рубежи вокруг столицы.

Спустя месяц, услышав, что при военкомате для юношей и девушек, не подлежавших мобилизации по возрасту, открылись курсы по медицинской и огневой подготовке, обе Маши, не раздумывая, записались на них, чтобы как можно быстрее научиться стрелять из винтовки и оказывать первую медпомощь раненым.

Полученные «корочки» стали пропуском на войну, точнее, сначала в ЦЖШСП — Центральную женскую школу снайперской подготовки, куда их зачислили благодаря «протекции» первого секретаря ЦК комсомола Николая Михайлова, на прием к которому с трудом попали: слишком много было таких, как они, желающих. Как раз в то время комсомол шефствовал над недавно сформированной школой, подбирая среди девушек достойных кандидатов. В сентябре 1943 года ЦЖШСП переехала из подмосковного Амерово в поселок силикатного завода, в обиходе это место называли еще станцией Силикатная, что в трех километрах от города Подольска. Туда по направлению горкомов и обкомов комсомола ехали девушки со всей страны.

В один из осенних дней на малолюдном полустанке с дерматиновым чемоданчиком в руках оказалась и Маша Ивушкина, обычная московская девушка из многодетной семьи. Маленького роста, в серой курточке, вязаной шапочке на голове, ее можно было принять за старшеклассницу, приехавшую к бабушке на осенние каникулы.

Неуверенной походкой она направилась к располагавшейся неподалеку снайперской школе.

Новое пополнение курсанток прибыло вместо ушедших на фронт пятидесяти первых выпускниц. Второй набор был в несколько раз больше. Правда, не все прошли жесткие рамки отбора: крепкое физическое здоровье, стопроцентное зрение, не старше двадцати пяти лет, образование не ниже семи

классов. Маша всем этим пунктам соответствовала, к тому же у нее на руках была рекомендация-направление самого ЦК комсомола. Зачисленные в ЦЖШСП искренне радовались, будто поступили в институт.

На полгода учебы их домом стало серое трехэтажное здание, в котором до войны размещался заводской клуб. Маша на минутку представила, как здесь по вечерам собиралась рабочая молодежь, играла музыка, под которую в вальсе кружили красивые пары. Никому и в голову тогда не приходило, что вскоре танцплощадка вместе с клубом станет снайперской школой, территорию которой обнесут высоким деревянным забором.

Разместили девушек повзводно, по тридцать человек в комнате. Как рассказывали старожилы, в отличие от предыдущего расположения в Вешняках, здесь бытовые условия были лучше. И хотя вместо привычных кроватей тот же дощатый настил (нары) в два яруса, зато имелись сушилки, комнаты для умывания. Для шинелей оборудовали вешалки, а для хранения винтовок — пирамиды, имелись небольшие квадратные столы, тумбочки, а вот стульев курсанткам почему-то не полагалось. Отдельно располагались столовая, строевой плац и в стороне на некотором удалении — склад боеприпасов, который они сами и охраняли.

Для вчерашних школьниц все здесь было непривычным, начиная с военной формы, летний комплект которой, включая мужское нижнее белье, им сразу же выдали. Женскую форменную одежду и аксессуары к ней для Красной армии тогда еще массово не шили, поэтому кальсоны пришлось переделывать под себя. Их же все равно не видно! А вот как быть с гимнастеркой на размер больше и потому сидевшей мешковато, как на каком-то чучеле? Маша оторопела, увидев себя в зеркальце, удручали и казавшиеся чугунными кирзовые сапоги, полученные на складе вместо красивых и легких туфель. Они тоже оказались немного великоваты: старшина сказал, что ее тридцать пятого размера у него просто нет.

Содержание

Снайпер Маша (<i>повесть</i>)	3
Батюшки-солдаты (<i>повесть</i>)	113
Чужбины горький мед (<i>повесть</i>)	213